

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РЕКОНСТРУКЦИИ И ПОЛЕМИКИ

СОКОЛОВА ЛИДИЯ ВИКТОРОВНА

УДК 821.161

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ», ИЛИ ПОЧЕМУ ТАК ДОЛГО ДЛЯТСЯ ДИСКУССИИ

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», дискуссия о подлинности, редакции «Задонщины», поиск автора, «темные места».

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос, почему дискуссии по спорным вопросам изучения «Слова о полку Игореве» делятся порой так долго. В одних случаях продолжительность дискуссии объясняется сложностью проблемы. Такие дискуссии требуют углубленных исследований и привлечения ученых самых разных специальностей. Как правило, эти дискуссии плодотворны и заканчиваются определенным решением проблемы. В других случаях мы имеем дело с бесконечным числом бесплодных догадок, которые вряд ли приведут к решению обсуждаемого вопроса. Пример такой дискуссии – поиск автора «Слова».

После опубликования «Слова о полку Игореве» прошло 220 лет. Об этом памятнике написано несколько тысяч работ, но до сих пор многие вопросы, связанные с его изучением, остаются спорными. В чем же дело? Почему так долго делятся дискуссии?

Причины этого различны. В одних случаях длительность дискуссии объясняется чрезвычайной сложностью проблемы, требующей учитывать множество факторов. И, пожалуй, самый яркий пример такого спора – дискуссия о подлинности «Слова о полку Игореве». Для решения вопроса, является ли этот памятник произведением древнерусской литературы или подделкой XVIII века, потребовались исследования историков, археологов, литературоведов, лингвистов, в том числе тюркологов. Не случайно на трехдневном обсуждении в 1964 году книги А.А. Зимина «Слово о полку Игореве» выступили ученые разных специальностей [35, с. 148–576] (1).

Теперь можно констатировать – этот спор выиграли защитники древности «Слова». В книге лингвиста, академика РАН Андрея Анатольевича Зализняка убедительно показано, что автор «Слова» пишет по законам языка

XI-XIII вв. В частности, в «Слове» соблюдается так называемый закон Вакернагеля [30, с. 44-69]. Закон Вакернагеля – это лингвистический закон расположения энклитик (т. е. безударных частиц) в древних индоевропейских языках. Для древнерусского языка – это частицы *же*, *ли*, *бо*, *ти*, *бы*. Оказывается, в предложении они могли располагаться только в определенных местах, а следовать друг за другом только в определенном порядке. А А. Зализняк показал, что в «Слове» закон Вакернагеля выполняется безупречно, в то время как к моменту открытия памятника (конец XVIII в.) этот закон известен не был, он открыт в конце XIX в. Ученый отметил, что соблюдение закона Вакернагеля было свойством живой древнерусской речи. В новгородских берестяных грамотах XII-XIII вв., отражающих живую разговорную речь Древней Руси, закон Вакернагеля выполнялся так же строго, как и в «Слове о полку Игореве». Этот закон, а также другие лингвистические данные позволили Зализняку строго научно доказать подлинность «Слова», т. е. его создание не позднее XII-XIII в. На основании своего исследования А.А. Зализняк пришел к выводу, что подделка «могла иметь место лишь в том предельно маловероятном случае, если ее осуществил некий беспримерный гений», «лингвист, равный по потенциалу совокупности десятков и сотен своих более поздних коллег», «причем пожелавший полностью скрыть от человечества свою гениальность» [29, с. 39].

А.А. Зализняк не утверждал категорично, что «Слово о полку Игореве» не могло быть создано в позднее время. Он утверждал лишь, что эта возможность с учетом приведенной им аргументации стремится к нулю. В связи с этим необходимо рассмотреть еще один аргумент «скептиков», которому они придавали важнейшее значение. Он касается взаимоотношения «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» – произведения о Куликовской битве 1380 года, старший список которой датируется 70-ми годами XV в. Многочисленные текстуальные параллели двух памятников не оставляют сомнения в зависимости одного из них от другого. Существуют две версии: о создании «Слова» до «Задонщины» и о его создании после «Задонщины» (версия, отстаиваемая «скептиками»). Если будет доказана первичность «Слова» по отношению к «Задонщине», то «тем самым, – по словам А.А. Зализняка, – решается и основная проблема: СПИ («Слово о полку Игореве». – Л. С.) должно быть признано подлинным древним произведением» [29, с. 6].

Открытие «Задонщины» в 1852 г. сняло всякие сомнения относительно того, является ли «Слово» произведением древнерусской письменности. Исследователи отмечали несомненную зависимость «Задонщины» от «Слова» и подражательность ему. Возрождение скептицизма в отношении древности «Слова» связано с предложением пересмотреть взаимоотношение его текста с текстом «Задонщины» и считать, что не «Задонщина» подражала «Слову», а, напротив, «Слово» подражало «Задонщине». Этую точку зрения впервые

высказал (без приведения доказательств) французский славист Луи Леже в конце XIX в. [69] (2), а развил ее другой французский славист, Андре Мазон, в 30–60-е гг. XX в. [70] (3). Доказывая вторичность «Слова о полку Игореве» по отношению к «Задонщине», А. Мазон основывался на исследовании чешского ученого Яна Фрчека о взаимоотношении двух редакций «Задонщины», написанном в 1930, а опубликованном посмертно в 1948 г. (Я. Фрчек считал текст, представленный Кирилло-Белозерским списком второй половины XV в., древнейшей, Краткой редакцией «Задонщины», все же остальные списки, согласно Я. Фрчеку, представляют позднейший, дополненный текст – Пространную редакцию «Задонщины» [68]). Зависимость «Слова о полку Игореве» от «Задонщины» доказывается, по мнению А. Мазона, тем, что оно якобы ближе к Пространной (по его мнению, позднейшей, второй) редакции «Задонщины», а не к Краткой (по его мнению, первоначальной).

Версию о первичности Краткой редакции «Задонщины» поддержал московский историк А.А. Зимин, изложивший свою точку зрения в книге «“Слово о полку Игореве”: (Источники. Время создания. Автор)» [31], которая была издана ротапринтом (101 экз.) для закрытого обсуждения его точки зрения в Отделении истории АН СССР (1964). Книга, над которой историк продолжал работать до самой смерти (1980), значительно увеличив ее объем, была издана только в 2006 г. по инициативе санкт-петербургского издательства «Дмитрий Буланин» [32].

По вопросу о взаимоотношении «Слова» с двумя видами (редакциями) «Задонщины» развернулась долгая дискуссия. В 1966 году был выпущен сборник статей «“Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла» [52], авторы которого доказывали первичность «Слова» по отношению к «Задонщине». В 1976 году некоторые итоги дискуссии подвела Р.П. Дмитриева, рассмотревшая работы предшествующего десятилетия [25, с. 87–92].

Точку зрения о первичности Краткой редакции «Задонщины» по отношению к Пространной разделили современные исследователи М.А. Шибаев и А.Г. Бобров. Ученые предположили, что «Слово» и «Задонщина» созданы в третьей четверти XV в., что они написаны одним автором и что этот автор был иноком Кирилло-Белозерского монастыря. По мнению М.А. Шибаева, оба произведения написал Софоний Рязанец (чье имя как автора упоминается в заголовках двух списков «Задонщины»: в Кирилло-Белозерском и Синодальном) [66]; по мнению же А.Г. Боброва, автором обоих произведений был Ефросин Белозерский, писец Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» [9]. Следует отметить, что позже А.Г. Бобров изменил свою позицию, посчитав, что Ефросин создал только «Задонщину» на основе имевшегося у него списка «Слова» [8]. Мысль о том, что «Слово» и «Задонщина» – это диология, созданная Софонием Рязанцем, ранее высказал воронежский ученый А.М. Ломов [40; 41].

После работ М.А. Шибаева и А.Г. Боброва нами были еще раз специаль-но рассмотрены взаимоотношения «Слова о полку Игореве» с редакциями «Задонщины» и на примере многих фрагментов показано, что Простран-ная и Краткая редакции «Задонщины» восходят к общему протографу, что Кирилло-Белозерский список представляет собой сознательное и идеино обоснованное сокращение этого протографа (4) и что текст «Слова о полку Игореве», использованный автором «Задонщины», в одних случаях лучше передан в Пространной редакции, а в других – в Краткой (Ефросиновской), поскольку в них по-разному передан текст общего протографа. Синодаль-ный список «Задонщины», ошибочно относившийся к Пространной редак-ции или объединявшийся в один «извод» с Кирилло-Белозерским списком, является, как выяснилось, переработкой недошедшей Сводной редакции, в которой присутствуют чтения как Пространной, так и Краткой редакции. Некоторые фрагменты «Слова о полку Игореве» не были поняты автором «Задонщины» и превратились под его пером в искаженные и непонятные по смыслу фразы [54].

Таким образом, этот важнейший для «скептиков» аргумент – о вторич-ности Пространной редакции «Задонщины» и создании на ее основе «Сло-ва» – не выдерживает проверки. Следует признать, что «Слово» создано до «Задонщины», т. е. до 1475 года, которым датируется старший из известных списков «Задонщины», а значит, «Слово» является подлинным древнерус-ским произведением.

В настоящее время, по словам А.А. Горского, «распространение сочув-ственного отношения к “скептическому” взгляду на “Слово”, по-видимому, связано уже не столько с научными, сколько с психологическими фактора-ми – с определенной “привлекательностью” для многих (по самым разным причинам) представления о нем как о памятнике поддельном или создан-ном много времени спустя после описываемых событий» [13, с. 81]. Одна из причин скептицизма – устаревшее представление, будто бы в XII в. на Руси не могло быть создано столь гениальное произведение. Свою роль играет и то, что проблема подлинности «Слова» «давно перестала быть чисто науч-ной и густо обросла ненаучными обертонами и политическими коннотаци-ями» [30, с. 24].

Если долгий и чрезвычайно острый спор о подлинности «Слова» яв-ляется примером продуктивного спора, в процессе которого постепен-но, поэтапно происходило движение вперед, в научных спорах рождалась истина, – то полемику по некоторым другим спорным вопросам изучения «Слова» трудно признать продуктивной, а в большинстве случаев и науч-ной. Примером бесплодного спора может служить один из самых обсуждае-мых вопросов – вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве».

О.В. Творогов, много сделавший для изучения «Слова о полку Игореве», рассказывал на лекциях по древнерусской литературе такую историю. В 1970-е годы один любитель «Слова» прислал в ЦК КПСС письмо, адресованное М.А. Суслову, главному идеологу того времени, которое заканчивалось такой просьбой: «Прошу Вас властью, данной Вам партией и правительством, обязать этих бездельников из Академии наук собраться вместе и в двухнедельный, максимум в трехнедельный срок найти автора Слова о полку Игореве». Письмо из ЦК переслали в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, и сотрудникам Отдела древнерусской литературы пришлось объяснять, почему эта задача является невыполнимой...

В претендентах на авторство «Слова» недостатка нет. Выдвинуто более двадцати предположений по этому поводу, при этом автор очередной гипотезы порой не знает, что предлагаемое имя уже существует в «пантеоне» авторов «Слова о полку Игореве».

Различные точки зрения по поводу авторства «Слова» неоднократно рассматривал в своих обстоятельных обзорах Л.А. Дмитриев [17, 18, 19, 20, 21]. Он прекрасно показал, что большинство высказанных точек зрения не выдерживает даже самой синхронистической критики: «Сущностью всех гипотез об авторах С[лова] в определенной степени является домысливание создателями этих гипотез к тем или иным реальным именам XII в. таких биографических данных, которые дают возможность приписать им авторство С[лова]. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все время на кандидатство в авторы С[лова] выдвигаются новые имена: создатели новых гипотез осознают слабость аргументов своих предшественников, но свои собственные аргументы считают бесспорными» [17, с. 29].

Тем не менее, и после работ Л.А. Дмитриева называются все новые и новые имена. Напомню лишь некоторые направления в поисках автора «Слова о полку Игореве», уделив основное внимание работам последнего времени. При этом только тем, которые считают «Слово о полку Игореве» произведением древнерусской литературы, а не сочинением XVII или XVIII в.

К настоящему времени большинство исследователей признают, что образованность и осведомленность автора «Слова о полку Игореве» в княжеских взаимоотношениях, политических делах, свидетельствуют о его принадлежности к высшему классу тогдашнего общества. Но кем он при этом был? По этому поводу высказаны самые разные точки зрения.

Существует так называемая «княжеская теория» происхождения «Слова о полку Игореве», согласно которой его автором был князь. Кого только из князей не выдвигали в авторы «Слова»!

В 1967 г. в киевском Доме ученых доктор биологических наук Н.В. Шарлемань сделал доклад (текст его был опубликован лишь в 1985 г. [65]), в котором утверждал, что «Слово» написал сам князь Игорь. Шарлемань исходил

из положения, что автор был свидетелем всех событий, связанных с Игорем, а таким единственным свидетелем мог быть только сам князь. Стремление сделать Игоря свидетелем всего описанного в «Слове» приводит исследователя к утверждению, что образ плачущей на «зaborоле» Ярославны мог запечатлеться в его памяти. Дмитриев задает закономерный, хотя и риторический, вопрос: «Как же мог запечатлеться в памяти Игоря образ Ярославны, плачущей на городской стене Путивля в то время, когда он находился в плену?» [20, с. 9]. И, добавим, как Игорь мог «слышать» разговор Гзака и Кончака, ехавших «по следу Игоря», если он в это время бежал, скрываясь от своих преследователей?

Предположение об авторстве Игоря независимо от доклада Шарлеманя высказал в 1978 г. поэт И.И. Кобзев [36]. Наиболее полно эта гипотеза была разработана в середине 1980-х гг. писателем В.А. Чивилихиным в его романе-эссе «Память» [64]. Чивилихин стремился доказать, что автором «Слова» мог быть *только князь*, и этим князем был Игорь. По мнению Л.А. Дмитриева, подробнейшим образом проанализировавшего аргументы В.А. Чивилихина [20, с. 10–17], приписывать создание «Слова» герою этого произведения (в котором он и восхваляется, и порицается) «невозможно ни с точки зрения морально-этических оценок, которые даются <...> Игорю, ни с точки зрения политических концепций памятника, ни с точки зрения авторской психологии того времени» [19, с. 31]. Действительно, с точки зрения психологии трудно поверить, что князь Игорь устами другого князя, Святослава Киевского, обвиняет себя в легкомыслии, и в то же время оправдывает свой необдуманный поход и даже прославляет свой «неславный» побег из плена. Атрибутируя «Слово» Игорю, мы превратим автора-гражданина, автора-патриота в самодовольного и нескромного князя.

Но разумные доводы убеждают не всех, а некоторым они и вовсе остаются неизвестными. В 1998 г. вышла книжка скульптора В.П. Буйначева [10], суть и «сенсация» которой в том, что он «<...> свежим взглядом окинул затертое исследователями до дыр “Слово” и обнаружил в его тексте автора» – это Игорь Святославич Новгород-Северский. Книжка отличается отсутствием научных ссылок; как остроумно заметил по этому поводу автор насмешливой заметки-рецензии на книгу Буйначева в журнале «Знамя», «эдакий апофеоз дилетантства: “<...> я не бросился в библиотеки, не стал перерывать горы написанного <...> а ушел в себя, сконцентрировал внимание на тексте и задумался”. Не знаешь, плакать или смеяться после таких заявлений, сделанных всерьез и с гордостью» [47].

Автором «Слова» называли и других князей: Святослава Всеволодовича Киевского (В.В. Медведев), Святослава Ольговича Рыльского (А.М. Домнин и др.), Владимира Ярославича Галицкого – сына Ярослава Осмомысла и брата Ярославны (Л.Е. Махновец, С.Г. Пушкик, В.Б. Семенов и др.). Эти точки

зрения были рассмотрены в обзорах Л.А. Дмитриева и признаны несостоятельными. Тем не менее, они до сих пор находят своих сторонников.

Так, гипотезу об авторстве Святослава Ольговича Рыльского, одного из участников похода, первым выдвинул пермский писатель А.М. Домнин в художественном произведении («сказании») «Матушка-Русь» [27]. Здесь главным героем и выступает Святослав Ольгович как автор «Слова». После поражения Игорева войска Святослав Ольгович попал в плен, дальнейшая его судьба неизвестна. В конце «Слова о полку Игореве» имя Святослава отсутствует среди участников похода, которым поется или обещается слава. Это, скорее всего, свидетельствует о том, что к моменту написания «Слова» Святослава не было в живых. Но опираясь именно на отсутствие ему славы как четвертому князю-участнику похода, Домнин предположил, что Святослав Ольгович был автором «Слова». Предположение А.М. Домнина поддержали А.П. Комлев и К.К. Белокуров в юбилейном издании «Слова» [37, с. 201–205] и украинский переводчик «Слова» В. Грабовский [14]. Л.А. Дмитриев, проанализировав эту точку зрения, охарактеризовал ее как «ничего не дающую догадку», подчеркнув «полную необоснованность этой догадки» [20, с. 19–20].

Тем не менее, в 2007 году была опубликована брошюра В.А. Морозова под заглавием «Кто же автор “Слова о полку Игореве”? Ответ: молодой князь, племянник князя Игоря, Святослав Ольгович» [43]. Автор позиционирует себя как писателя и предлагает в «Художественной преамбуле» и «Заключительной иллюстрации в вербальной художественной форме» (?) вымышленные им картины из жизни героев «Слова». Никаких аргументов в пользу своей догадки Морозов не приводит, кроме той, что уже была высказана писателем А.М. Домниным (работу его он не упоминает, хотя и заявляет о скрупулезном изучении литературы вопроса): в конце памятника не произносится слава Святославу Ольговичу, следовательно, он и есть автор «Слова».

В тексте Морозова содергится, среди прочих необоснованных догадок и откровенных выдумок, соображение о причине смерти Святослава Ольговича, якобы она была связана с написанием им «Слова»: «Думается, что молодой князь Олег Святославович (так у В.А. Морозова! – Л.С.) своим горячим посланием широкому кругу князей, в котором виделся донос на Игоря, предопределил тем самым трагически свою судьбу... И решил его судьбу, мне думается, ни кто иной, как сам корыстный жестокий по натуре и мстительный Игорь!» (сохранены орфография и пунктуация автора).

В начале своего опуса Морозов считает нужным задать вопрос: «Что же подвигло меня ни филолога, ни литературоведа, ни историка к поиску собственного решения проблемы авторства “Слова”?». Отвечая на него, он пишет, что лет 20 назад случайно познакомился с двумя книгами Б.А. Рыба-

кова, посвященными «Слову». «Эти работы меня заинтересовали в рамках самообразования, автодидакции в области филологии, литературоведения, истории. Работы были тщательно изучены, проанализированы, а поиск автора “Слова” превратилось в плодотворное хобби» (сохранены орфография и пунктуация автора).

Так подробно я остановилась на версии об авторстве Святослава Ольговича Рыльского, в том числе на безграмотной, не заслуживающей внимания брошюре Морозова, с той лишь целью, чтобы показать, какие легковесные, несостоятельные догадки множат и без того обширный ряд претендентов на авторство «Слова о полку Игореве».

Но удивительные открытия делают не только дилетанты, для которых поиск автора – «хобби». В 2005 году в петербургском журнале «Клио» была опубликована статья Ф. Нурутдинова из Казани в соавторстве с Ю.К. Бегуновым [5], в которой не только назывался «новый» автор «Слова» – Владимир Святославич, сын Святослава Всеходовича Киевского (5), но и излагалась занимательная история создания этого памятника, якобы сохранившаяся в булгарской летописи, о сомнительности которой скажем далее. История эта такова:

На честной пир по случаю свадьбы Владимира и Ярсылу (которую мы знаем как Кончаковну) в ставку хана Хонджака (которого мы знаем как Кончака) в Алабугу были приглашены князь Игорь с супругой и его троюродный брат Владимир Святославич, сын киевского князя Святослава Всеходовича. Во время пира булгарский поэт Габдулла Улуш исполнил в честь новобрачной хвалебную песню под названием «Намеи Ярсылу хири», т. е. «Песнь о деве Ярсылу». В ней он прославлял красоту и необыкновенные достоинства новобрачной, а также могущество, богатство и славу ее отца Деремелы (!) Хонджака. А вот князю Игорю и его брату Всеходу досталось немало критических слов и даже ругани. Видя, как Игорь переживает, его жена Ефросинья Ярославна попросила троюродного племянника князя Игоря, Владимира Святославича, написать правду о нем и его походе на половцев. Поэт согласился и написал такую песню – «Намеи Угер сугэшэ» («Слово о войне Игоря»). (На каком языке, не указывается, судя по заглавию, на половецком). Через год, в 1188 году, на пиру в Новгороде-Северском князь Владимир Святославич спел на русском языке «Слово о полку Игореве». Поводом для пира послужило рождение сына-первенца у Ярсылу и Владимира Игоревича по имени Тахира, а по-русски – Всехода.

В качестве своего главного источника, который князь Владимир избрал для подражания, якобы стала поэма Елаура Рыштавлы «Буляр сугэшэ ыры», т. е. повесть «О булярской войне». Самое начало этой поэмы свидетельствует о сходстве двух текстов (Приводится и сопоставляется якобы перевод на русский язык булгарской поэмы и начало «Слова»).

Рецензия на статью Нурутдинова и Бегунова была опубликована в следующем номере журнала Клио. Ее автор, Л.А. Соломеина, пишет, что вызывает сомнение не столько отсутствие подлинника как такового (так, само «Слово о полку Игореве» дошло до нас в списке), сколько тот факт, что «auténtичный тюркский текст, писанный на пергаменте арабской вязью, не сохранился» и упоминаемые источники приводятся в переводе на русский язык. Нурутдинов сообщает, что «переводили их в 30-е гг. XX в. два русских учителя, знавшие булгарский язык, а также семь булгар-ваисовцев». Соломеина задает вопрос: насколько корректно строить исследование на переводе, не имея в наличии оригинала? [55, с. 261–262].

Думаю, уместно задать и другой вопрос: как эта статья могла появиться в журнале «Клио», имеющем подзаголовок «Журнал для ученых»? Ф. Нурутдинов является лидером «булгаристского» движения «Булгар ал-Джадид». Он популярен в определенных кругах как предполагаемый автор истории булгар, или Свода булгарских летописей «Джагфар тарихы», опубликованных на русском языке в трех томах в Оренбурге в 1993–1997 гг. [4]. По словам И. Измайлова, тюркологи с мировым именем (историк и языковед А. Рона-Таш, историк О. Прицак, литературоведы Н. Юзеев и М. Ахметзянов, археолог А. Халиков, источникoved М. Усманов, этнологи Д. Исхаков и И. Измайлов и другие ученые) неоднократно доказывали подложность «булгарских летописей», указывая, в частности, что эти писания являются не переводами с «булгарского» языка, а написаны не очень грамотным русскоязычным автором в конце XX в., что они имеют вопиющие противоречия с фактами истории и даже здравым смыслом [34], но, как видим, безрезультатно. Как тут не вспомнить «Велесову книгу»!

Автором «Слова о полку Игореве» называют не только князей, но и княгинь.

В 1979 году И. Державец сделал предположение, что автором «Слова о полку Игореве» могла быть Агафья Ростиславна, вдова новгород-северского князя Олега Святославича, старшего брата Игоря, и мать принимавшего участие в битве Святослава Ольговича Рыльского [16]. Державец исходил из того, что автором «Слова» может быть только лицо княжеского происхождения. Родственные связи вдовы Олега Святославича, по мнению Державца, являются сильным аргументом в пользу того, что она могла быть автором «Слова». Л.А. Дмитриев отметил, что «система и логика доказательств Державцем своей догадки об авторстве А[гафы] носит ненаучный характер». [22, с. 37]. Тем не менее, это предположение проторило дорогу другим княгиням на роль автора «Слова о полку Игореве».

На сегодняшний день уже пять княгинь претендуют на лавры автора «Слова». Помимо Агафьи Ростиславны, это: Мария Васильковна, жена Святослава Всеолодовича Киевского (Г.В. Сумаруков [56; 57], Н.С. Серегина

[50], Е. Беляков [6]); Ярославна, жена Игоря Святославича, дочь Ярослава Осмомысла (М.А. Абрамов [1], Г.Д. Певцов [44]); Болеслава, дочь киевского князя Святослава Всеволодовича (Ю.Н. Сбитнев [49]); княгиня XIII в. Мария Михайловна Ростовская, дочь великого князя Михаила Черниговского и жена Василька Ростовского (В. А. Блинов [7], Ю.Н. Макин [42]).

Коротко скажем о догадках, впервые высказанных в XXI в.

По версии писателя Ю.Н. Сбитнева, «гениальную древнерусскую поэму написала женщина», дочь великого киевского князя Святослава Всеволодовича – Болеслава, первая жена Владимира Галицкого (сына Ярослава Осмомысла). Автор догадки якобы разгадал сфрагиду, в которой зашифровано имя женщины, написавшей этот древнерусский шедевр. Во фразе «Рекъ Боянь и Ходына...» он увидел зашифрованное имя Болеславы: «ходына» – это жена, «отосланная» неверным мужем в дом отца, каковой и была Болеслава («ходына Святъславля»); «пестворица старого времени – это летописица, тоже она». Заметим, что Киевская летопись говорит о Болеславе только по поводу ее выхода замуж в 1166 г. за Владимира Галицкого. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Под 1188 г. в летописи сообщается, что вторую жену Владимир «отнял у попа», поэтому в летописях она именуется попадьей. Вероятно, это и дало повод писателю домыслить, что «порок любовного легкомыслия» Ярослава Осмомысла передался его сыну Владимиру, и «он, спутавшись с некоей попадьей, навсегда отсылает от себя к отцу Болеславу. Женщина, при живом муже возвращенная в семью отца, на Руси называлась “ходыной” (?? – Л.С.)». Писатель, создающий романы на древнерусские темы, явно не смог отойти от произвольного вымысла и в своем как бы научном труде, широко рекламированном знакомыми писателя [15; 67]. Гипотеза Ю. Сбитнева изложена также в статье ученых из Краснодара И.И. Горловой и В.К. Чумаченко «Гипотетический автор “Слова о полку Игореве” в интерпретации Д.С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль» [12]. Вопреки мнению самого Ю. Сбитнева, в статье утверждается, что он «не так уж сильно расходится в своих суждениях с Д.С. Лихачевым», что на самом деле его концепция «скорее инвариант предположения, сделанного великим русским ученым. Ведь речь идет опять-таки о близком князю человеке. Да – не сотоварищу по походу, не дружиннику, а женщине, *сестре*. А идея все та же – автор из близкого окружения князя, *человек талантливый, просвещенный и, как бы мы сказали сегодня, государственно мыслящий*» (курсив мой – Л.С.). И это о Болеславе, о которой, как уже сказано, известно только то, что она была выдана замуж за Владимира Галицкого. Авторы статьи вслед за Сбитневым ошибочно считают Болеславу Святославну сестрой Игоря Святославича.

Архитектор В.А. Блинов из Екатеринбурга в 2012 г. высказал мысль, что «Слово» написала княгиня XIII в. Мария Михайловна Ростовская (умерла в

1270 г.). Идея родилась у него во время проведения архитектурных работ в Ростове Великом (задачей было отыскать подземные ходы, тайники), когда он работал с архивными записями, изучал труды историков, читал летописи. Акростих с именем «Мария» автор прочитывает в тексте «Слова», произвольно разбитым им на строки [7] (6). При этом Блинов утверждает, что, овдовев, Мария постриглась в монахини Суздальского Ризположенского монастыря под именем Ефросиньи, путая Марию Михайловну с ее сестрой, в миру княжной Феодулией Михайловной Черниговской (1212–1250). Автор заметки в «Литературной России», представивший книгу В.А. Блинова, отметил, что «попутно ему (Блинову. – Л. С.) удалось и по-новому прочитать некоторые места в тексте “Слова о полку Игореве”. И здесь екатеринбургский исследователь с его не филологическим (!), но инженерным – то есть лишенным замыленности – взглядом и слухом сумел внести, как думается, вполне логические корректизы в устоявший смысл некоторых мест в “Слове”» [58]. К удивлению и сожалению, все чаще профессиональный филологический взгляд объявляется недостатком при изучении «Слова о полку Игореве». Настало время уступить место дилетантам? (7).

Эту же версию, не зная работы В. Блинова, выдвинул доктор технических наук, профессор московской Академии наук авиации и воздухоплавания Ю.Н. Макин. Главный ответ на вопрос, что же позволяет отнести авторство «Слова» перу Марии Михайловны, заключается, по мнению Ю.Н. Макина, «в наличии у нее мотива (внутреннего осознанного побуждения) написать такое произведение. После убийства татарами мужа и отца она, естественно, ненавидела завоевателей, но не имела возможности заявить об этом открыто, ведь оба ее сына – Борис (1231–1277 гг.) и Глеб (1236–1278 гг.) Васильковичи – активно сотрудничали с татарами ради спасения своих княжеств. Перед ней стояла задача излить свой гнев против завоевателей и не выдать себя и своих близких» [42, с. 124]. И поэтому она пишет о состоявшемся столетием ранее неудачном походе Игоря на половцев?

Каковы главные аргументы исследователей, считающих автором «Слова» женщину?

Г.В. Сумаруков посвятил этому вопросу небольшой раздел в книге, озаглавленный «Признаки женского почерка в поэме». Процитировав описание первого сражения русских с половцами, он замечает: «По этому описанию совершенно невозможно воссоздать картину сражения. Собственно, о сражении здесь сказано поверхностно, в самых общих фразах: половецкие полки “потоптаны”. А вот о военной добыче говорится, наоборот, очень подробно: ценные украшения и одежды перечислены со всей скрупулезностью. Так писать могла только женщина». Он также отметил, что в «Слове о полку Игореве» три плача, а «во все времена слагательницами и исполнительницами плачей на Руси были женщины. В летописях, которые почти всегда пи-

сались мужчинами, о плачах упоминается лишь вскользь и поверхностно» [56], что, конечно, неверно.

А вот довод писателя Ю.Н. Сбитнева, высказанный им и в книге, и в интервью своему литературному редактору О. Гринёвой (цитируем по нему): «Я после долгих лет работы над этой великой тайной могу совершенно точно сказать: АВТОР - ЖЕНЩИНА! И попробую сейчас это доказать. Начну с главного. С любви. К князю Игорю. Этую любовь замечали многие исследователи, и она в какой-то мере смущала их, поскольку никак не могла быть объяснена. Представьте себе на мгновение, что такой вот чистой сестринской любовью одаривает неудачливого князя дружинник либо боярин, либо равный ему по званию. Не может того быть, и не было! <...> Такая же любовь подарена и великому князю Святославу Всеволодовичу, одному из заглавных героев поэмы. Был он не шибко удачливым князем, но в «Слове» предстает как мудрый, добрый, заботливый отец, овеянный искренней женской любовью, только дочерней» [15, № 3; 49, с. 14] (выделение в тексте Ю. Сбитнева).

«Гендерный» аргумент приводит Г.Д. Певцов: «Вообще, в пользу того, что автор — женщина, говорит и сам характер произведения, где достаточно много плачей, много эпитетов, эпизодов и сцен, которые заинтересовали бы только женщину, равно как и многочисленных нюансов описаний женских переживаний трагедии того времени. Мужчина-воин, мужчина-князь, духовное лицо и даже наделенный повышенной чувствительностью и интуицией поэт-сказитель никогда не обратили бы на это внимания и с такой полнотой не раскрыли бы» [44, с. 45].

Приведем и высказывание Е. Белякова, по мнению которого автор «Слова» — жена Святослава Всеволодовича Киевского, Мария Васильковна: «А вот самый центральный эпизод поэмы — русичи “победили половцев в первом сражении” (которого, правда, не было). И о чем же идет речь? О злате и паволоках, о драгих япончиках и оксамитах, об узорочье половецком... А потом: “Дремлет во поле Ольгово храбре гнездо...” — в этом удивительном эпизоде есть даже какие-то оттенки материнства! Чем больше вдумываешься, тем яснее — так может написать только женщина, только мать (и скорее всего — многодетная). Которая много ночей провела над колыбелью, убаюкивая своих засыпающих детей» [6].

О.В. Творогову «женские атрибуции» казались наивными, он напоминал те условия, которым должен был удовлетворять предполагаемый автор: знание обстоятельств событий 1185 г., хорошее знание княжеских будней (природы степи, княжеской соколиной охоты, вооружения), политических проблем, прекрасное знание древнерусской книжности, в том числе летописей, дружинной поэзии.

Учитывая высочайший художественный уровень «Слова о полку Игореве» и его, вне всякого сомнения, литературный характер, правильнее всего полагать, что «Слово о полку Игореве» написал (именно написал!) художественно одаренный и разносторонне образованный книжник. Назывались разные известные нам книжники, в том числе Кирилл Туровский (Б.И. Зотов), Даниил Заточник (А. Калинин), писец Домид (В.М. Михайлов), Софий Рязанец (В. Суетенко, А.М. Ломов, М.А. Шибаев). Б.А. Рыбаков считал автором «Слова» боярина Петра Бориславича, историк приписал ему обширный ряд фрагментов в Киевской летописи середины – второй половины XII в., которые по языку и стилю казались ему близкими к «Слову о полку Игореве».

XXI век добавил новые имена.

Кем был автор «Слова» – мирянином или духовным лицом? Н.М. Карамзин, отвечая на этот вопрос, полагал, что он был мирянином, ссылаясь на использование автором «Слова» языческой символики, на упоминание языческих богов. Однако в настоящее время появились работы, в которых автором «Слова о полку Игореве» называется духовное лицо.

Г.Н. Проневич, разделяя точку зрения Б.И. Зотова [33], предлагает свои аргументы в пользу авторства Кирилла Туровского [45], несмотря на то, что уже в 1182 г. епископа города Турова либо не было в живых, либо он принял схиму, т. е. полностью отрекся от жизни, связанной с миром, и чисто хронологически не мог быть автором «Слова», в котором описывается событие 1185 г. [19, с. 25].

Доктор филологических наук А.Н. Ужанков считает автором «Слова» Моисея, игумена киевского Михайловского Выдубицкого монастыря, составившего похвальное слово Рюрику Ростиславичу и произнесшего его на торжествах по случаю окончания строительства стены, укрепляющей берег под монастырской церковью. Остановимся несколько подробнее на этой точке зрения, высказанной в книге 2015 г. и развитой в статье 2019 г. [61; 62].

Исследователь пытается реконструировать биографию Моисея исходя из того, что можно «вычитать» в «Слове» о его авторе, или, напротив, найти в «Слове» подтверждение того, что его автора можно отождествить с игуменом Моисеем.

По мнению ученого, игумен Моисей в прошлом был участником похода Игоря, а вернувшись после битвы живым, постригся в монахи. Свидетельство участия автора «Слова» в походе на половцев в 1185 г. Ужанков видит, вслед за своими предшественниками, в «эффекте присутствия» автора при описании боя (8), в частности, во фразе «Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода». «Создается впечатление, – пишет Ужанков, – что автор вновь переживает те события, участником которых он был сам <...>» [61,

с. 338]. Между тем А.А. Алексеев еще в 2013 году указал, что во фразе «что ми шумит, что ми звенит» *ми* – это не местоимение со значением *мне*; это так называемый *dativus ethicus* (дательный этический) или дательный заинтересованного лица, имеющий значение частицы, энклитики [2, с. 212–213]. Форма дательного падежа местоимений *ми* и *ти* употреблена в подобных случаях в функции, близкой к вводному слову, т. е. вне связи с прямым значением: «Оно, правда, не близко, а только тут *тебе* и лес, и сплавная река!» [3, с. 119–120]. Следовательно, энклитика *ми* в данной фразе «Слова» не может служить указанием на присутствие автора на поле боя. А это разрушает миф А.Н. Ужанкова о том, что Моисей – один из уцелевших участников Игорева похода, после возвращения постригшийся в монахи и затем, как свидетель, написавший о походе Игоря свое произведение.

Поскольку Моисей был монахом, игуменом монастыря, А.Н. Ужанков делает попытку обнаружить в «Слове» свидетельство монашества автора. Об этом, по его мнению, говорит обращение к читателям или слушателям «братие», естественное для монашеской среды и шесть раз «встречаемое» в «Слове о полку Игореве». При этом Ужанков вынужден признать мнение тех ученых, которые указывали, что обращение «братие» употребляют и князья: Святослав Всеволодович в своем «золотом слове» так обращается к другим князьям, а Игорь Святославич дважды обращается так к своей дружине. Вряд ли спасает положение попытка исследователя объяснить обращение Игоря к своим дружиным со словом «братие» тем, что «это обращение *православного* князя к *православным* воинам» [61, с. 337] (курсив мой – Л.С.). Кроме того, в работе не учтены примеры обращения князя к другим князьям со словом «братие», приведенные А.А. Горским из летописей [13, с. 79].

А.Н. Ужанков вслед за другими учеными считает игумена Моисея составителем Киевского летописного свода. В таком случае получает объяснение знакомство Моисея с киевской «Повестью о походе Игоря на половцев». Но автор «Слова» знает и другое повествование о походе Игоря – насмешливый по отношению к Ольговичам рассказ Владимира летописного свода, из которого он заимствует, в частности, ироничное замечание владимирского летописца о замысле Игоря дойти до Тмутаракани и отвоевать ее. Следовательно, автору гипотезы необходимо объяснить знание Моисеем рассказа Владимира летописного свода и позицию Моисея по отношению к событиям 1185 г.

Исходя из своей идеи о том, что автор «Слова» использовал в нем скрытые цитаты из Книги пророка Иеремии, которую он мог читать только на греческом языке (к тому времени книга еще не была переведена на церковнославянский язык), Ужанков считает «логичным предположить, что с греческой рукописью Книги пророка Иеремии автор мог познакомиться

именно в Выдубицком монастыре» [61, с. 343]. А из этого *предположения* следует вывод о том, что Моисей «был человеком очень образованным, знал греческий язык» [61, с. 344]. Трудно уследить за логикой А.Н. Ужанкова в данном случае. Рассуждения его таковы: 1) утверждается, что в «Слове» есть скрытые цитаты из библейской Книги пророка Иеремии, которую автор «Слова» мог читать только на греческом языке; 2) высказывается предположение, что автор «Слова» мог познакомиться с ней в Выдубицком монастыре; 3) еще одно предположение держим в уме – в Выдубицком монастыре с Книгой пророка Иеремии познакомился именно Моисей; 4) из этой серии предположений делается вывод: «Моисей был человеком очень образованным, знал греческий язык». Кольцо замкнулось. Гипотеза об использовании в «Слове» скрытых цитат из Книги пророка Иеремии на греческом языке привела к гипотезе о знании греческого языка Выдубицким игуменом Моисеем, дабы можно было атрибутировать ему «Слово о полку Игореве».

Не будем здесь касаться вопроса о том, насколько соответствует действительности утверждение А.Н. Ужанкова о содержащихся в «Слове» скрытых цитатах из Книги пророка Иеремии. Но если даже допустим, что в «Слове» есть эти цитаты (что очень сомнительно), возникает вопрос: для кого писал автор «Слова»? Кто должен был оценить его ученость при отсутствии перевода на русский язык этой библейской книги?

Предположения о том, что рукопись Книги пророка Иеремии на греческом языке хранилась в Выдубицком монастыре и ее «с карандашом в руке» штудировал насельник монастыря, выписывая цитаты и переводя их на русский язык для включения в «Слово» – не что иное, как произвольные допущения.

И наконец: почему же именно Моисей? А.Н. Ужанков отвечает на этот вопрос так: «Трудно себе представить, чтобы в одном небольшом монастыре в одно и то же время подвизались и трудились два гения. Значит, нужно отыскать одного, нам уже известного и творившего в то же самое время, когда было написано “Слово о полку Игореве”» [62, с. 183].

По нашему мнению, остается недоказанным ни факт создания «Слова» в Выдубицком монастыре, ни создание его игуменом Моисеем. К сожалению, А.Н. Ужанков не приводит сопоставление языка и стиля «Слова о полку Игореве» с единственным известным произведением Моисея, преувеличено именуемого А.Н. Ужанковым гениальным.

В 2017 году сотрудник Института лингвистических исследований РАН А.А. Бурыкин, доктор исторических и филологических наук, издал книгу «Слово о полку Игореве: Текст, язык, автор» [11]. В аннотации к книге, которую обычно составляет сам автор, сказано следующее: «Настоящее издание имеет характер научной бомбы: в результате многолетнего и многомерного изучения текста “Слово о полку Игореве” петербургский лингвист А.А. Бу-

рыкин предложил убедительную научную теорию, кем мог быть автор этого знаменитого памятника». Эта интригующая характеристика побуждает внимательно ознакомиться с изложенной в книге точкой зрения на авторство памятника.

«Убедительная научная теория» состоит в том, что «Слово о полку Игореве» написал Кузьмище Киянин, персонаж «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Утверждение о том, что Кузьмище Киянин мог быть автором «Слова», по заявлению самого Бурыкина, объединяет четыре разные гипотезы, «каждая из которых выглядит довольно неожиданной». «Первая гипотеза заставляет думать, что “Слово...” создано переводчиком “Повести об Акире”, “Девгениева деяния” и “Сказания об Индийском царстве”. Вторая гипотеза требует допущения, что русские версии всех трех названных здесь текстов созданы одним и тем же переводчиком. Третья гипотеза позволяет считать, что “Повесть об убиении Андрея Боголюбского” написана тем же автором, который переводил три названные выше повести и написал “Слово о полку Игореве”. Есть в этом круге проблем и четвертая гипотеза, согласно которой “Повесть об убиении...” написана именно Кузьмищем Киянином, а не кем-либо другим» [11, с. 141] (курсив мой – Л. С.).

Прежде всего коснемся гипотезы, согласно которой перевод трех повестей, входивших в Мусин-Пушкинский сборник вместе со «Словом», осуществил один книжник. Время перевода указанных повестей точно не установлено. Так, «Повесть об Акире» могла быть переведена еще в XI в. [59, с. 343], перевод «Девгениева деяния» был осуществлен, вероятно, в XII в., а «Сказание об Индийском царстве» ученые датируют XIII или даже XIV в. [46, с. 410-411]. Более того, эти повести переведены с разных языков, и не обязательно на Руси. «Повесть об Акире» переведена, согласно последним исследованиям, с сирийского языка в Болгарии, «Девгениево деяние», восходящее к византийским эпическим преданиям X в., – с греческого языка, «Сказание об Индийском царстве», возникшее на греческой почве, но известное в латинской версии, попало на Русь через сербское посредство (первая редакция памятника сохранилась только в отрывке – в составе «Сербской Александрии»). Но это не смущает А.А. Бурыкина, он пишет: «Можно, конечно, задаваться вопросом: мог ли один переводчик перевести “Повесть об Акире” с армянского или сирийского языка, “Девгениево деяние” – с греческого, а “Сказание об Индийском царстве” – с латинского? Этот вопрос – мог ли знать три языка древнерусский книжник – не играет для нас существенной роли, мы ставим вопрос иначе: могли ли переводы трех рассматриваемых нами повестей принадлежать одному автору – на основании сходств языка древнерусских переводов этих повестей» [11, с. 142] (курсив мой – Л. С.). Бурыкин указывает при этом, что отец Владимира Мономаха, князь Всеволод Ярославич (сын Ярослава Мудрого, придававшего, напом-

ню, особое значение развитию книжности), «дома съдя, изумеяще 5 языкъ». Думается с опаской, что если бы Всеволод Ярославич жил не в XI, а в XII веке, Бурыкин приписал бы перевод всех трех повестей ему.

Следующая гипотеза А.А. Бурыкина состоит в том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», – тех самых повестей, что находились в Мусин-Пушкинском сборнике вместе со «Словом». В качестве доказательства указываются параллели к «Слову» в лексике и образной системе трех названных произведений. Отдельные параллели между «Словом» и «Повестью об Акире», между «Словом» и «Девгениевым деянием» указывались учеными и до Бурыкина, однако они не рассматривались как доказательство того, что переводы названных памятников на русский язык принадлежат автору «Слова». Кроме того, если основываться на лексических и образных параллелях к «Слову», то его автору следует приписать и перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, поскольку между ним (переводом) и «Словом» установлена несомненная близость: одинаковый тип сравнений, одни и те же слова.

Предложенный лингвистом А.А. Бурыкиным сравнительный анализ лексики не может не удивлять. Так, сопоставляя «Слово» и «Сказание об Индийском царстве», ученый приводит вначале «нераритетные совпадения лексики “Слова...” и “Сказания об Индийском царстве”»: «воскочити, гора, дубъ, дети, емлють, искачи, каменный, море, погаснути, столи, створити, устье». Далее указываются «лексические раритеты “Слова...” и “Сказания об Индийском царстве”: емлють, король, погаснути, свивати». Как видим, слова «емлють» и «погаснути» приводятся исследователем и в первом, и во втором списке. Лексема король не относится к «раритетам»; чтобы убедиться в этом, достаточно открыть «Словарь-справочник “Слово о полку Игореве”» [51, с. 6-7], где приведены цитаты с этим словом из Хроники Амартола, «Повести временных лет», «Жития Мефодия Моравского», «Моления Даниила Заточника» и других памятников XI-XIII вв. Наконец, слово «свивать/свивати» в «Сказании об Индийском царстве» использовано в его прямом значении («Есть у нас птица, имя ея финикс, свивает собѣ гнездо на новой мѣсяцъ...»), и это значение вряд ли можно назвать раритетным, а в «Слове» лексема «свивать» употреблена в переносном значении – Боян поет, «свивая славы обаполы сего времени» (свивая славу, как свивают венки, вокруг сего времени, т. е. этому времени). Как отметил И.Д. Тиунов, «свивати славу» – «пѣти славу» – это «средневековый литературный термин: сплетать слова о славных деяниях – воспевать» [60, с. 197]. Таким образом, ни одного убедительного примера совпадения редких, «раритетных» лексем в «Слове» и в «Сказании об Индийском царстве» Бурыкин не привел.

Такой же алгоритм сравнений используется далее при сопоставлении «Слова о полку Игореве» и «Повести об Акире», «Слова о полку Игореве» и «Девгениева деяния». Так, например, к «лексическим раритетам» «Слова о полку Игореве» и «Повести об Акире» отнесены слова *бебер* («Повесть об Акире») и *бебрянъ* («Слово»). Лексема «*беберъ*» (*бебръ*) действительно читается в «Повести об Акире». Но еще ближе к *прилагательному* «*бебрянъ*» («*бебрянъ рукавъ*») «Слова о полку Игореве» *прилагательное же* «в *бебрянях*» («*въ ризах бебрянях*») из перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

А.А. Бурыкин при этом пытается убедить читателя в том, что отмеченный им словарный запас автора «Слова», «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» не характерен для других произведений *второй половины XII в.* В качестве примера называются «Сказание о князьях» и «Сказание о князьях Владимирских» «как произведения, соответствующие хотя бы в общих чертах “Слову...” по тематике и жанру». (Напомню, что «Сказание о князьях Владимирских» датируется XVI в.!). Анализ лексики двух последних памятников не проводится, указывается лишь несколько общих слов. Но это не мешает исследователю заключить: «<...> появляется уверенность в том, что “Слово...” не может принадлежать авторам других оригинальных княжеских повестей второй половины XII в. – различия между лексикой “Слово...” и словарным составом этих повестей оказываются слишком велики» [11, с. 138]. А далее уже как о доказанном: «На основании анализа лексики с *должной надежностью определено*, что *никакой другой из известных памятников второй половины XII в. – ни «Слово о князьях», ни «Сказание о князьях Владимирских», ни обе летописные повести о походе Игоря на половцев 1185 г. (по Ипатьевской и по Лаврентьевской летописям) – не имеет отношения к выявленному нами кругу текстов» [11, с. 154]. (Курсив мой). Неоднократно упоминая о гипотезе Б.А. Рыбакова, согласно которой «Слово» написал Петр Бориславич, Бурыкин при этом игнорирует, как видим, отмеченное ученым значительное сходство лексики «Слова» и той части Киевской летописи, которая атрибутируется им Петру Бориславичу.*

Итак, автор «Слова о полку Игореве» и переводчики трех повестей, входивших в Мусин-Пушкинский сборник, использовали общий лексический запас литературного языка Киевской Руси XI-XIII вв. Следовательно, нет оснований утверждать, что автор «Слова» является переводчиком трех повестей из Мусин-Пушкинского сборника, переведенных, к тому же, в разное время и с разных языков.

Однако А.А. Бурыкин не останавливается на этом, а идет дальше. Третья его гипотеза состоит в том, что «Слово о полку Игореве» и три повести, входящие в Мусин-Пушкинский сборник, написаны автором «Повести

об убииении Андрея Боголюбского», произведения последней трети XII в., «язык которого обнаруживает яркие черты сходства с языком текстов из мусин-пушкинской тетради» [11, с. 137]. Но при этом исследователь указывает совпадения лексики «Повести об убииении Андрея Боголюбского» не с тремя повестями Мусин-Пушкинского сборника, а с лексикой «Слова»: «Раритетными, показательными совпадениями лексики «Слова...» и обеих редакций или архетипа редакции «Повести об убииении Андрея Боголюбского» можно считать слова *драгы*, форму *женчюгъ* (она совпадает по написанию со «Словом...»), *златоверхыи, мужъство, напереди, отъяти, паволокы, приращюще, прольяти, сабля, створити, търгати* (? - Л.С.), *узорочье*». А.А. Бурыкин особо подчеркивает использование в «Слове» и «Повести об убииении...» лексем, обозначающих дорогие предметы: «*злато, паволокы, оксамиты, узорочки, женчюгъ*».

В этих словах, как видим, нет никакой раритетности, они употребительны в языке памятников XI-XIII вв. Редкое, казалось бы, слово «златоверхая» читается в Ипатьевской летописи не только под 1175 г. (в «Повести об убииении Андрея Боголюбского»), но и под 1183 г., где речь идет о пожаре во Владимире, во время которого погорела та же Успенская церковь «соборная... златоверхая», о которой говорится в летописном рассказе об убииении Андрея Боголюбского под 1175 г.

На таком песочном фундаменте построена «научная теория» о создании одним книжником «Слова о полку Игореве», «Повести об убииении Андрея Боголюбского», а также переводов трех повестей, входивших вместе со «Словом» в Мусин-Пушкинский сборник.

Осталось назвать имя автора, и по этому поводу высказывается «четвертая гипотеза»: автором всех этих произведений, а также миниатюр Радзивиловской летописи является Кузьмище Киянин. Эта гипотеза построена, в свою очередь, на череде предположений и догадок. А.А. Бурыкин основывается на допущении Б.А. Рыбакова, что «Повесть об убииении Андрея Боголюбского» мог написать Кузьмище Киянин, о котором говорится в «Повести»: он перенес тело убитого князя из дворца в притвор церкви (напомним, что автором «Повести» назывались и другие действующие в ней лица, например, поп Микула). Больше ничего не известно о Кузьмище, тем не менее, Бурыкин придумывает ему богатую биографию. Основываясь на том, что в «Повести» описывается убранство построенной и украшенной Андреем Боголюбским церкви, Б.А. Рыбаков в свое время высказал предположение о том, что Кузьмище Киянин, предполагаемый им автор «Повести об убииении...», был «хитрецом», т. е. специалистом по внутренней декоративной отделке зданий [48, с. 109]. Бурыкин, развивая эту мысль, говорит уже о Кузьмище как о зодчем, архитекторе, построившем целый ряд храмов. А кому как не зодчему, а значит и художнику, иллюстрировать лето-

пись? (Б.А. Рыбаков *предположительно* атрибутировал Кузьмищу Киянину фрагменты летописи, в которых обращается внимание, как и в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», на убранство, украшение зданий). Исходя из этого, Бурыкин объявляет Кузьмишу еще и миниатюристом, создавшим миниатюры к Радзивилловской летописи, точнее, ее протографу: «Кузьмище Киянин при его роде занятий (архитектор и, возможно, дизайнер, специалист по отделке интерьера зданий) должен был привлекаться к работе над летописными сводами в первую очередь как иллюстратор-миниатюрист, а не только как автор текстов – архитектор должен был уметь рисовать, тем более что в отдельных миниатюрах Радзивилловской летописи просматривается стиль, характерный для фресковой живописи» [11, с. 168].

В итоге творческое наследие Кузьмища Киянина, которого Бурыкин включает Киевским Микеланджело, включает, по словам автора книги, следующие «объекты» (приводим текст автора): «Успенский собор во Владимире; Архитектурный ансамбль в Боголюбове; Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском; Церковь Василия Великого (Трехсвятительская) в Киеве, 1182–1183 – предположительно (не сохранилась); Миниатюры Радзивилловской летописи; «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»; «Слово о полку Игореве»; Переводы «Сказания об Индийском царстве», «Повести об Акире Премудром» и «Девгениева деяния»» [11, с. 181]. Короче говоря, Кузьмище Киянин – «наше всё».

Подводя итог своему исследованию, А.А. Бурыкин пишет: «Сказанное здесь – это, разумеется, пока еще одна гипотеза, связанная с персонификацией авторства «Слова о полку Игореве», не имеющая других оснований, кроме сходства лексики «Слова...» и одной из повестей второй половины XII в. Автор книги до какого-то времени видел задачу своей работы только в обосновании своей гипотезы о единстве личности автора «Слова...» и переводчика трех повестей, ставших известными в последней трети XII – начале XIII в. Впрочем, мы полагаем, что, *подобно другим исследователям «Слова...», нам также дозволено иметь право на эффективные*, но при этом *доказуемые предположения* о личности автора «Слова о полку Игореве» [11, с. 138]. Дозволено ли? Мы полагаем, что не дозволено, тем более профессиональному лингвисту. «Доказуемыми предположениями», «гипотезами», «научной теорией» нельзя назвать беспочвенные произвольные домыслы, облеченные в сомнительную научнообразную форму.

Итак, вопрос об авторе «Слова о полку Игореве» до сих пор остается открытым, несмотря на то, что каждое новое имя преподносится читателям как сенсация, как окончательное решение вопроса. Все попытки выяснить имя автора «Слова», которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы шатких, а порой и фантастических предположений. Говоря словами Д.С. Лихачева, существует опасность «навязывания «Слову» своих идей и

концепций», что «отнюдь не расширяет и не углубляет наших представлений о “Слове”, а заставляет специалистов тратить время на опровержение этих взглядов и трактовок, изрядно иногда засоряющих нашу науку» [38, с. 333].

Видимо, поиски имени автора «Слова», основанные на данных самого памятника и тех источников, которыми мы сейчас располагаем, не могут завершиться успехом. Само обилие имен это подтверждает: каждый предлагающий нового претендента на роль автора «Слова», тем самым в той или иной степени дезавуирует утверждения своих предшественников. Обоснованными могут быть лишь общие соображения типологического характера об авторе этого произведения Древней Руси, как это было предложено Л.А. Дмитриевым [20] и Д.С. Лихачевым [39].

Чтобы не заканчивать наш обзор на пессимистической ноте, коснемся в заключение еще одной плодотворной дискуссии, связанной со «Словом о полку Игореве», а именно толкования так называемых «темных мест» памятника. Здесь, как и в случае с поиском автора «Слова» много фантазий и необоснованных интерпретаций. И все же «темные места» загадочного памятника усилиями филологов, историков, фольклористов и вдумчивых любителей «Слова» постепенно проясняются. Дискуссии по толкованию некоторых «темных мест» делятся долго, пока то или иное прочтение (порой отвергнутое и надолго забытое) не получает всеобщее признание. Некоторые примеры успешного истолкования «темных мест» приведены нами в статье «Первое издание “Слова о полку Игореве” и современное прочтение текста» [53].

Итак, чтобы дискуссии по разным вопросам изучения «Слова о полку Игореве» были плодотворными и результативными, к изучению этого удивительного по красоте и глубине памятника словесности следует относиться вдумчиво и серьезно. Как бы банально это ни звучало.

Литература

1. Абрамов М.А. К проблеме авторства «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990. С. 154–163.
2. Алексеев А.А. *Dativus ethicus* в «Слове о полку Игореве» // Алексеев А.А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб, 2013. С. 207–214.
3. Ахманова О.С. Дательный падеж [Электронный ресурс] // Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 606 с. URL: <https://classes.ru/grammar/174.Akhmanov> (дата обращения: 09.05.2020).

4. Бахши Иман. «Джагфар тарихы». Свод булгарских летописей. 1680 г. Изложение текста на русском языке, сделанное жителем г. Петропавловска И.М.-К. Нигматулиным в 1939 г. Оренбург, 1993-1997. Т. I-III.
5. Бегунов Ю.К., Нурутдинов Ф. Князь Владимир Святославич – автор «Слова о полку Игореве» // Клио: Журнал для ученых. СПб.: Изд-во «Нестор», 2005. № 4 (31). С. 192-200.
6. Беляков Е. Два слова о походе князя Игоря Святославича: Литературно-историческое расследование [Электронный ресурс]. 2019, 25 янв. URL: <https://mybook.ru/author/evgenij-belyakov-2/dva-slova-opohode-knyazya-igorya-svyatoslavicha-li/read/> (дата обращения: 11.05.2020).
7. Блинов В.А. В поисках сокровенного имени: Об авторе «Слова о полку Игореве» // Блинов В.А. По былинам сего времени: поэма, эссе. Екатеринбург: Архитектон, 2012. С. 33–150.
8. Бобров А.Г. «Заколдованный круг»: (О книге А.А. Зимина «Слово о полку Игореве») // Русская литература. 2008. № 3. С. 65-118.
9. Бобров А.Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. 2005. Т. 22. Р. 238–298.
10. Буйначев В.П. Новое прочтение «Слова о полку Игореве»: автор известен. М.: Книжный сад, 1998. 304 с.
11. Бурыкин А.А. Слово о полку Игореве: Текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 416 с.
12. Горлова И.И., Чумаченко В.К. Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д.С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 57-64.
13. Горский А.А. О старом и новом «скептицизме» в вопросе о подлинности «Слова о полку Игореве» // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 68–86.
14. Грабовський В. Сяйво черлених щитів: Із спостережень перекладача // Літературна Україна. 1985. 20 июня. С. 7.
15. Гринёва О. 1) Автор «Слова о полку Игореве» – женщина! И звали ее Болеслава // Гарт (еженедельник) (Чернигов). №№ 28–29. 2008, 18, 25 июля; 2) Тайны родного Слова // Русь державная: Православная народная газета. 2010, сентябрь; 3) [Интервью с Ю. М. Сбитневым] // Троїцький Вісник / видання Чернігівської єпархії Української Православної Церкви. № 9. 2008, 29 жовтня.
16. Державец И. Агафья Ростиславна – автор «Слова о полку Игореве»? // Памир (Душанбе). 1979. № 8. С. 84–94.
17. Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI–первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 16–32.

18. Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 32–41.
19. Дмитриев Л.А. Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 24–36.
20. Дмитриев Л.А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 3–24.
21. Дмитриев Л.А. Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1991. № 1. С. 88–104.
22. Дмитриев Л.А. Агафья (Огафья) Ростиславна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 36–37.
23. Дмитриева Н.Л. Леже Луи // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 137–138.
24. Дмитриева Н.Л. Мазон Андре // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 195–198.
25. Дмитриева Р.П. Некоторые итоги изучения текстологии «Задонщины»: (В связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1976. № 2. С. 87–91.
26. Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 264–291.
27. Домнин А. Матушка-Русь // Домнин А. Тропы предков: Сказания, поэмы, легенды. Пермь, 1978. С. 145–260.
28. Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. 2009. № 1, 2. URL: https://elementy.ru/nauchno-pulyarnaya_biblioteka/430720/O_professionalnoy_i_lyubitelskoy_lingvistike (дата обращения: 31.05.2020).
29. Зализняк А.А. Проблема подлинности или поддельности «Слова о полку Игореве» // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 29–39.
30. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 350 с.; 2-е изд. – М., 2007; 3-е изд., доп. – М., 2008.
31. Зимин А.А. Слово о полку Игореве: (Источники. Время создания. Автор). М., 1963 (ротапринт ИИ АН СССР). Т. 1–3. 660 с.
32. Зимин А.А. Слово о полку Игореве / Отв. ред. В.Г. Зимина, О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 515 с.
33. Зотов Б.И. 1) Кто он – автор «Слова о полку Игореве»? // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 118–124; 2) Зотов Б. Не Кирилл ли Туровский с Припяти автор «Слова о полку Игореве»? // Техника – молодежи. 1996. № 2. С. 42–43.

34. Измайлова И.Л. Незаконнорожденные дети господ журналистов, или О навязчивом шумеро-булгаризаторстве истории татар // Звезда Поволжья. 2003. №№ 17-21.
35. История спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Материалы дискуссии 1960-х годов / Вступ. ст., сост., подгот. текстов, comment. Л. В. Соколовой; Отв. ред. Н.В. Понырко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2010. 791 с.
36. Кобзев И. Автор «Слова» - князь Игорь? // Литературная Россия. 1978, 22 сент. С. 15.
37. Комлев А.П., Белокуров К.К. «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения. Свердловск, 1985. С. 201-205.
38. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Изд. 2-е, доп. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.
39. Лихачев Д.С. Каким был автор «Слова о полку Игореве»? // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 26-30.
40. Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Диология Софрония старца?// Вестник Воронеж, гос. ун-та. Сер. 1: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 38-60.
41. Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Издат.-полиграф. центр Воронеж. ун-та, 2010. 244 с.
42. Макин Ю.Н. 1) К вопросу об авторстве «Слова о полку Игореве» в свете современных научных данных // X Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: материалы научной конференции (Ярославль 19-20 октября 2018 года) / Под ред. Л. В. Уховой. Ярославль, 2019. С. 122-133; 2) Установлен автор «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://proza.ru/2019/10/29/412> (дата обращения: 15.05.2020).
43. Морозов В.А. Кто же автор «Слова о полку Игореве»? Ответ: племянник князя Игоря, Святослав Олегович [Электронный ресурс]. М.: Новый Дом, 2007. 36 с. (Серия «Идеи и открытия»). URL: <https://proza.ru/2010/04/21/121> (дата обращения: 10.05.2020).
44. Певцов Г.Д. О лингвистических, исторических и художественно-стилистических аспектах перевода «Слова о полку Игореве»: Вопросы авторства и времени создания [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Т. 4, № 1. С. 39-47. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n1/Pevtsov.shtml> (дата обращения: 09.05.2020).
45. Проневич Г.Н. «Слово о полку Игореве»: несколько аргументов в пользу гипотезы об авторстве Кирилла Туровского [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. Вып. 2. С. 12-20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-o-polku-igoreve-neskolko-argumentov-v-polzu-gipotezy-ob-avtorstve-kirilla-turovskogo> (дата обращения 09.05.2020).

46. Прохоров Г.М. Сказание о Индийском царстве // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: (XI – первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. С. 410–411.
47. Б/а. [Рец. на кн.:] В.П. Буйначев. Новое прочтение «Слова о полку Игореве»: автор известен [Электронный ресурс] // Знамя. 1998. № 5. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=486> (дата обращения: 10.05.2020).
48. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.
49. Сбитнев Ю.Н. Тайны родного Слова: Моё прикосновение к «Слову о полку Игореве». Чернигов: Троица, 2010. 176 с.
50. Серегина Н.С. Мария Васильковна, сестра Изяслава, и «Слово о полку Игореве» // Полоцкая княжна Мария Васильковна – автор «Слова о полку Игореве»: Исследования тайнописи / Вступ. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судника. Полоцк: А.И. Судник, 2008. (Наследие Полоцкой земли. Вып. 6). С. 42–54.
51. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1969. Вып. 3. 182 с.
52. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. 619 с.
53. Соколова Л.В Первое издание «Слова о полку Игореве» и современное прочтение текста // Русская литература. 2002. № 4. С. 3–12.
54. Соколова Л.В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 673–724.
55. Соломеина Л.А. Рецензия на статью Ю.К. Бегунова и Ф.Г.-Х. Нурутдинова «Князь Владимир Святославич – автор «Слова о полку Игореве» // Клио. СПб., 2006. № 1. С. 261–262.
56. Сумаруков Г.В. Затаенное имя: Тайнопись «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс]. М.: Изд-во МГУ, 1997. 48 с. URL: http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/SLOWO/s_sumarukow.txt (дата обращения: 10.05.2020).
57. Сумаруков Г.В. Затаенное имя: Тайнопись «Слова о полку Игореве» // Полоцкая княжна Мария Васильковна – автор «Слова о полку Игореве»: Исследования тайнописи / Вступ. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судника. Полоцк: А.И. Судник, 2008. (Наследие Полоцкой земли. Вып. 6). С. 7–41.
58. Сутырин В. Автор «Слова о полку Игореве»... женщина? [Электронный ресурс]// Литературная Россия. № 2013/48, 23.02.2015. URL: <https://litrossia.ru/item/6790-oldarchive/> (дата обращения: 10.05.2020).
59. Творогов О.В. Повесть о Акире Премудром // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: (XI-первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 343–345.
60. Тиунов И.Д. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. и статей. М.; Л., 1950. С. 196–203.
61. Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. 509 с.

62. Ужанков А.Н. В поисках автора «Слова о полку Игореве» // X Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: материалы научной конференции (Ярославль 19—20 октября 2018 года) / Под ред. Л. В. Уховой. Ярославль, 2019. С. 180–212.
63. Чернов А.Ю. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006. 480 с.
64. Чивилихин В. А. Память. Роман-эссе. Кн. 1. М.: Современник, 1984. 640 с.
65. Шарлемань Н.В. Попытка раскрытия анонима автора «Слова о полку Игореве». Київ, 1985. 15 с.
66. Шибаев М.А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 29–40.
67. Широков А. Тайны «Слова о полку Игореве» отступают // Топос: сетевой журнал. 2011, 10 апреля. URL: <https://topos.ru/article/7646> (дата обращения: 10.05.2020).
68. Frček, Jan. Zádonština: Staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritiké vydání textů. Praha, 1948. 258 s. (Práce Slovanského Ústavu v Praze. Svazek 18).
69. Leger L. Russes et slaves: Études politiques et littéraires. Paris, 1890. P. 89–94.
70. Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940. 178 p.

Примечания

1. Книга А.А. Зализняка цитируется по изданию 2004 г.
2. Подробнее о его взглядах на «Слово» см.: [23, с. 137–138].
3. Подробнее о его работах по «Слову» см.: [24, с. 195–198].
4. Р.П. Дмитриевой было показано, что редакторская работа составителя Краткой редакции «Задонщины» сходна с редакторской работой Ефросина при переписке им других памятников древнерусской литературы [26].
5. Владимир Святославич назван автором «Слова» и А.Ю. Черновым, по его мнению, именно он скрывает свое имя под сфрагидой (от греч. σφραγίς – печать) «Ходына» в конце произведения [63].
6. Имя автора, якобы записанное в тексте «Слова» тайнописью, пытались пытались обнаружить и другие исследователи А.А. Гогешвили (1991), Г.В. Сумароков (1977), А.А. Горский (2004).
7. Некоторые работы по «Слову» (это не касается работы В.А. Блинова) отличаются агрессивным тоном по отношению к профессиональным исследователям «Слова». Для дилетанта, по словам А.А. Зализняка, «очень важно обесценить в глазах читателя профессиональную науку, изобразить всю

её как скопище косных догм, совершенно ненужных свободно мыслящему читателю нашего времени <...> позиция профессионалов объявляется устаревшей наукой <...> а сами они — косными, закрытыми для всего нового, веряющими лишь высказываниям авторитетов, защищающими честь мундира и т. п.» [28].

8. Именно на этом основании автора пытались найти среди лиц, упомянутых в летописной «Повести о походе князя Игоря» и в «Истории» Татищева, называли, например, черниговского боярина Ольстина Алексича (М. Гойгел-Сокол), безымянного сына тысяцкого, который, по летописи, был с Игорем в пленау (Ив. Новиков), Овлура (В.Г. Руделев) и др.

LIDIA V. SOKOLOVA

THE CONTROVERSIAL ISSUES OF THE STUDYING THE “TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”, OR WHY DISCUSSIONS LAST SO LONG

Keywords: “*Tale of Igor’s Campaign*”, discussion about authenticity, versions of “*Zadonshchina*”, search of the author, “obscure passages”.

The paper attempts to answer the question why the discussions on controversial issues of studying the “Tale of Igor’s Campaign” sometimes last so long. In some cases, the length of the dispute is due to the extreme complexity of this problem. Such discussions require in-depth research and the involvement of scientists of different fields. As a rule, these discussions are fruitful and end with a definitive solution. In other cases, we have to deal with an infinite number of fruitless speculations, that are unlikely to lead to final decision of the issue under discussion. An example of such discussion is the search of the “Tale...” author.